

Надежда Максимова

Точный удар

Хищные вещи?
Хищные люди!

Надежда Максимова

Точный удар

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12845794
ISBN 9785447434502*

Аннотация

Хищные вещи века. Бездуховность. Социальный тупик. Вещи развиваются, становятся сложнее и интеллектуальней, люди деградируют, становятся примитивней и безграмотней. Братья Стругацкие предвидели такое развитие мира еще в середине прошлого века. К сожалению, они не дали ответа на вечный вопрос: «Что делать?». Данная повесть – попытка восполнить этот пробел. И через героев, созданных гениальными фантастами, найти путь. Путь, который выведет нас к свету.

Содержание

Введение	5
Глава 1.	6
Глава 2.	13
Глава 3.	21
Глава 4.	29
Глава 5.	34
Глава 6.	40
Глава 7.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Точный удар

Надежда Максимова

*Если мы собраны в единую силу, а противник
разоблен на десять частей то мы нападём на него
с превосходящей в десять раз мощью.
Сун-цзы. Трактат о воинском искусстве*

© Надежда Максимова, 2020

ISBN 978-5-4474-3450-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

25 августа

Яркий свет и ведро воды, выплеснутое в лицо. Я очнулся и затряс головой, пытаюсь вернуть себе возможность видеть.

Получилось плохо. Две мощные лампы, направленные прямо в глаза, не располагают к хорошему обзору.

– Кто ты? Кто тебя послал? – с прежним нажимом в очередной раз спросил голос, вещающий из-за световой завесы.

– Иван Жилин. Никто не посылал. Мне надо поговорить с Седым, – в очередной раз с прежним терпением ответил я.

Хотя, надо признать, сейчас, после двух часов непрерывного допроса, терпение давалось мне со всё большим трудом. Тем более, что во рту постоянно ощущался привкус крови.

– Кто тебе сказал про Седого?

– Это не важно. Мне надо с ним поговорить.

– Кто тебе сказал про Седого?

Повторный вопрос был сопровожден профессионально поставленным ударом в печень. И я, мучительно согнувшись, начал думать, что совершил ошибку, придя в этот негостеприимный дом.

Но вернемся немного назад.

Глава 1.

Ищу человека

Упреждающее знание нельзя получить от демонов или духов, нельзя получить из явлений или небесных знамений; оно должно быть получено от людей, ибо оно есть знание подлинного положения противника.

Сун-цзы. Трактат о воинском искусстве

23 августа.

Пять дней до момента X

Первое, что я сделал, уволившись из Всемирного Совета Безопасности, это сел и написал план. Теперь, когда я был лишен возможности использовать ресурсы могущественной международной организации, моим оружием могли быть только скорость и точность. Говорят, «один в поле не воин». Это не верно. Даже малой силой можно произвести большое действие, если приложить эту силу к нужной точке и в нужное время.

Исходя из этого простого соображения, я пришел к выводу, что мне необходим информатор. Человек, который знает в этом городе всё и всех, хорошо ориентируется в расстановке сил, не утратил способности мыслить самостоятельно

и, главное, ненавидит существующий порядок. Впрочем, любой, кто еще не утратил способности мыслить, должен ненавидеть данный порядок по определению. Априори.

Я мысленно перебрал варианты.

За три дня, проведенных в Городе, у меня было много встреч с разными людьми. Наиболее перспективными для моих целей казались следующие:

1. Загорелый мужчина с мощными мышцами. Тот, что в баре увещевал публику не связываться с наркотиком. «Много на свете дряни, а это уж всем дряням дрянь, понимаешь?», – объяснял он.

2. Три молодых парня в одинаковых каскетках, сдвинутых на глаза. Длинный, приземистый и пьяный. Судя по всему – студенты университета (по местной терминологии – интели). То есть те, кто уже сейчас самостоятельно и изо всех сил борются с царящими в городе нравами.

3. Круглоголовый рыбарь, напарник сгинувшего в поисках острых ощущений Эля.

4. Шофер фургона, тощий человек в комбинезоне и в черных очках с мощной оправой. Который помимо предметов ширпотреба разводил населению книги. Классные книги, надо признать.

5. Амад. Смуглый полный человек в белом, в круглой белой шапочке набекрень. Тот, что стал в Городе моим первым гидом и покровителем.

Кого из них выбрать?

Подобно разведчику Штирлицу из незабвенного фильма «Семнадцать мгновений весны», который на квадратиках бумаги рисовал шаржи на изучаемых субъектов, я разложил перед собой пять листиков из блокнота.

Поскольку художник из меня никакой, вместо портретов я надписал бумажки. Получилось так:

«Загорелый из бара», «Интели», «Круглоголовый рыбарь», «Шофер с книгами», «Амад».

Чтобы выбор был объективным, я скрупулезно вписал в карточки плюсы и минусы каждого персонажа.

«Загорелый из бара»

В принципе, человек занимался полезным делом. При чем, с определенным риском – могли ведь и по зубам дать.

С другой стороны, девчонка с челкой назвала его «паршивым шпиком». Что это значит для меня? Он – сотрудник полиции? Или агент интелов? Полезно это для моих целей или наоборот?

Кроме того, меня он прямо (имея в виду принадлежность к спортивному клубу) спросил: «Ты «Носорог»? Может он просто выискивает крепких парней, чтобы привлечь их к участию в футбольных побоищах? И заинтересован, чтобы потенциальное сырье не разбазарило попусту свои полезные свойства?

В общем, с этим персонажем не всё ясно. Прежде, чем принимать решение об его использовании, требуется собрать дополнительную информацию.

«Интели»

Ребята вполне перспективные. Но имеют два крупных минуса. Во-первых, я не знаю, где их искать, во-вторых, слишком уж они заряжены на насилие. Пьяный, помнится орал что-то вроде: «Нужно рвать! Стрелять! Всех стереть с лица земли!»

Исторический опыт показывает, что были уже попытки использовать методику «нет человека – нет проблемы» для решения любых вопросов быстро и эффективно... Сейчас, например, можно окружить этот городок танками и установками залпового огня типа «град». Потом залить напалмом, а тех, кто уцелеет, расстрелять из пушек и пулеметов.

Безусловно, это коренным образом решило бы весь комплекс местных проблем. И с наркотиками было бы покончено, и с бездуховностью... Но...

Короче, здесь тоже много неясного, и безусловно записывать данных представителей интеллигенции в союзники я бы не спешил.

«Круглоголовый рыбарь»

Парень явно не глуп и многое о жизни знает. Но он нашел свое место в этом мире и вряд ли захочет общаться добровольно. Информацию из него придется выколачивать, а для этого потребуется время и место. И транспорт. Не поволочу же я его связанного через весь город на такси.

Можно, правда, пообщаться непосредственно во владениях рыбарей. Заманить в тоннель Старого метро и там, под

видом очередного испытания...

Скверно только то, что все происходящее у рыбарей снимается на камеру. И, может быть, даже передается в прямой эфир. А оставлять документальные свидетельства своих поисков я бы не хотел.

«Шофер с книгами»

Самый перспективный персонаж. Конечно, он доведен до последней крайности и может быть необоснованно резок с глуповатым туристом, который явится к нему с расспросами.

Но, судя по всему, он один из немногих, кто пытается проводить некое подобие программы восстановления и развития человеческого мировоззрения в этой стране.

Да, он действует бессистемно, да, в одиночку... Но ведь делает что-то! Пытается!

Думаю, с ним надо встретиться в первую очередь.

«Амад»

Загадочный тип.

Вырос в этом городе. Со всеми вокруг знаком.

Сначала был в банде малолетних гопников. Шесть месяцев отсидел за хулиганство. Потом служил в полиции. Наверняка не трус.

Столь извилистый жизненный путь свидетельствует, что человек он ищущий. Пробовал в жизни то и это.

Амад достаточно образован. Читал, например, Хемингуэя... И хотя прикинулся незнающим: «Кто? Хемингуэй?»,

в разговоре непроизвольно продемонстрировал недюжинное знание творчества этого непростого писателя. Вам, например, известно, где и при каких обстоятельствах великий Эрнест написал свою «Пятую колонну»? А Амад знает.

Словом, с ним я хотел бы встретиться в числе первых. Если бы не одно «но».

Дело в том, что я собираюсь бороться с существующим в городе порядком. А Амаду это не нужно. Он нашел свое место в здешнем раю и всем доволен.

Предложить такому идти на баррикады, рисковать жизнью?

Зачем? Он хорошо зарабатывает, вкусно ест, сладко спит...

Скорее он согласится бороться с тем, кто попытается разрушить его уютный мирок. То есть со мной.

Оторвавшись от бумажек с именами, я взглянул на часы. 19.30. Вечер 23 августа. До акции назначенной интеллями на 28-е оставалось четыре дня.

А до акции, которую спецвойска Всемирного Совета Безопасности собираются проводить против интеллей и того меньше.

Надо успеть.

Я встал, одел чистую гавайку, считающуюся здесь особо модной, слегка взлохматил волосы и собрался идти.

Куда?

А вы, уважаемый читатель, куда бы вы направились

в первую очередь?

Глава 2.

Я выбираю круг рая

23 августа

Прежде чем приступить к активным действиям, требовалось подработать материальную базу. Трудно вести нелегальную работу и встречаться с агентами, когда в твоей спальне спят дети. Тем более, что компания, которую приводил на ночевку хозяйский мальчишка Лэн, обрела тенденцию к разрастанию.

Стало быть, необходимо найти некое укромное местечко – конспиративную квартиру, а заодно позаботиться о транспорте. В городе, конечно, избыток такси, но сведения через таксопарк легко попадают в полицию. Или к каким-нибудь преступным группировкам. Например, к «меченатам», которые «любовь к искусству» сочетают с умением беспощадно драться кастетами.

Итак, квартира. На данный момент я знал только одного специалиста по съемному жилью. Это был Амад. Уютный полный человечек заверял, что каждый вечер после семи он пребывает в «Лакомке», так что найти его не составит труда. Заодно узнаю, кто еще входит в общество Усердных дегустаторов. Что-то мне подсказывает, что знакомство будет

небесполезным.

«Лакомка», несмотря на всю привилегированность своего положения (или, может быть, благодаря ему) располагалась не в самом центре, а на тихой улочке, параллельной приморскому бульвару. Когда нанятое мной такси свернуло от главной площади с отелем «Олимпик» и памятником Юрковскому на юг, я удивился насколько малоллюдно в вечернее время в этом районе, обильно обсаженном цветущими широколистными деревьями.

Видимо, обитатели здешних мест не разделяли тяги широкой публики к примитивным развлечениям типа пьянки, «дрожки» и спонтанному мордобою. В этом кругу рая предпочитали другие радости.

Мягко шурша шинами по гладкому асфальту, такси неспешно везло меня вдоль аккуратно постриженных газонов, подсвеченных разбросанными тут и там разноцветными фонариками, придававшими окружающей их зелени экзотические оттенки. Домики сквозь листву проглядывали аккуратные, посверкивающие чистыми окнами и свежим лаком фасадов. Даже не верилось, что в столь благословенных местах люди могут с пугающей регулярностью умирать от нервного истощения. Каждую ночь. В собственных домах. В собственных уютных ваннах с ароматизаторами и подсветкой воды. По пять-шесть вызовов на каждый экипаж «скорой». Общую статистику никто не вел, но цифры наверняка были

пугающими.

Ладно. Разберемся.

Знаменитая «Лакомка», очевидно, имела столь выдающуюся репутацию, что не нуждалась в рекламе. Во всяком случае, у нее вообще не было никакой вывески, различимой с проезжей части. Водителю такси пришлось дважды показать мне на узкий проход между двумя скромными магазинчиками и заверить, что искомый ресторан находится именно там. Проулочек был недостаточно освещен и отлично подходил для засады. Но отступать было некуда. Я расплатился, придал себе праздно-гуляющий вид, и, уповая на то, что вдумчивые ценители вкусной пищи не носят с собой кастеты, отправился в указанном направлении.

К счастью, возле «Лакомки» никто не охотился на доверчивых туристов, и я смог беспрепятственно пройти под гостеприимные своды.

Едва я вошел, меня сразу с головой накрыло волной аппетитнейших кулинарных ароматов, базовой доминантой которых был божественный запах свежее испеченного хлеба. Он звучал сильно и волнующе, как главная тема симфонии, исполняемой умелым оркестром. Впечатление было столь сильным, что я даже на мгновение прикрыл глаза. А когда их открыл, надо мной навис почтительный, но без подобострастия, двухметровый метрдотель, солидный, как имперский авианосец.

– ? – спросил он, выразительно подняв брови.

Да, я помнил, в «Лакомке» не разговаривают, здесь только едят. Но, надеюсь, работают тут не глухонемые?

– Мне нужен Амад, – сказал я максимально кратко и негромко.

«Сейчас организуем», – жестом показал метрдотель и по-манил за собой.

Двинувшись за ним, я сумел отвлечься от восприятия ароматов и различил некий специфический гул, который подобно облаку накрывал весь обеденный зал. В этом приглушенном гуле слились воедино негромкое позвякивание столовых приборов, шорох салфеток, а так же звуки жевания и проглатывания пищи. Все это было чрезвычайно пристойно и, я бы даже сказал, аристократично. Но у меня звуки, издаваемые большим количеством молчаливо жующих людей, почему-то вызвали самые неаппетитные ассоциации.

Мне предложили присесть на кожаный диванчик, расположенный в уголке, отделенном от общего зала большим витражом с цветами и райскими птичками. Было довольно уютно, мягко и пестро. Пространство вокруг было насыщено множеством небольших ярких деталей, предоставляя посетителю возможность разглядывать то и это, бездумно переводя взгляд и ни на чем особо не задерживаясь. Так мы просматриваем быстро переключаемые каналы в телевизоре. В итоге вроде все посмотрел, со всем ознакомился, но ниче-

го не запомнил.

Пока я осматривался, появился Амад. Он был такой же полненький и уютный, как и во время нашей первой встречи и с той же серьгой-приемником в ухе. Только сейчас был одет более солидно и вытирал рот салфеткой. Возможно, наличие салфетки означало, что он рад встрече и ради нее пошел даже на то, чтобы несколько скомкать торжественный акт завершения приема пищи.

– Какие строгости тут у вас, – сказал я, поднимаясь навстречу.

– Да, – охотно согласился мой собеседник. – И знаете, идею взяли из литературы. Вы ведь литератор, должны знать классику.

– М-м-м, – затащил я, мысленно перебирая варианты. – Что-то не припомню.

– Ну как же! Конан Дойл, записки о Шерлоке Холмсе.

– Да? Но Холмс, вроде бы, все больше оперу посещал. Не рестораны.

– Зато его брат Майкрофт являлся членом клуба, в котором запрещалось разговаривать. И где, кстати, была неплохая кухня.

– Полагаю, там собирались мыслители, своеобразная элита староанглийского общества...

– О, поверьте, – весело перебил Амад, – без мыслей вы легко проживете. А вот без пищи... Но, впрочем, вы ведь, наверное, пришли по делу?

– Знаете, да.

– Слушаю.

– Вы, помнится, рекомендовали мне определиться со своим кругом рая... Я тут попробовал одно, другое... И выбрал.

– Прекрасно.

– Но в том доме, где я поселился, слишком много отвлекающих факторов.

Амад при этих словах изобразил мимикой нечто вроде: «Неужели?»

– И, – я сделал вид, что засмутился, – с одной стороны хотелось бы получать удовольствия в полном объеме, а с другой... ну, словом, я не хотел бы привлекать к этому излишнее внимание.

– Я вижу, вы действительно определились, – заметил Амад.

– Вы не подумайте, что это что-то противозаконное, – заторопился я. – Девочки вполне совершеннолетние...

– О, можете не посвящать меня в детали, – замахал ладошкой мой собеседник. – Я лишь надеюсь, что в вашем случае дело не дойдет до нервного истощения.

– Что вы, – оскорбился я, – я вполне себя контролирую.

– Угу, – сказал Амад и извлек из кармана свой блокнот. – Значит, вам требуется укромное местечко?

– Да, такой, знаете ли, тихий домик на окраине... Нелюбопытные соседи, возможность приходить-уходить в любое время... И не одному, как вы понимаете...

– А хозяйева, чтобы наведывались только за платой, так?

– Именно. Порядок я обеспечу сам, а вот лишний надзор... Не люблю, когда кто-то посторонний внезапно приходит или стоит над душой.

– Вполне вас понимаю, – кивнул Амад, изучая страницы блокнота. – А какой уровень комфорта вас интересует? Есть варианты подороже, поэкономичней...

– Ну, лишняя роскошь ни к чему, – заявил я. – Была бы спальня, ванная...

При слове «ванная» Амад вскинул на меня взгляд, но я сделал совершенно непроницаемое лицо, как будто никогда даже не слышал о слеге. В результате, Амад, разумеется, сразу решил, что я именно для экспериментов с наркотиком решил снять дополнительное жилье. Впрочем, вслух он ничего не высказал, а меня это вполне устроило.

– Так. – Мой собеседник нашел, наконец, запись, которую искал. – Есть очень приличный вариант. Если хотите, можем поехать туда прямо сейчас. Осмотритесь, примете решение...

– Прекрасно, – с воодушевлением произнес я и поднялся. – Поверьте, я ценю ваше доброе расположение и готов компенсировать определенные неудобства... В разумных пределах.

– Ах, бросьте, – легко перебил Амад. – Думаю, два добрых человека всегда смогут договориться между собой.

Последняя фраза прозвучала несколько двусмысленно.

И я быстро прикинул, во что мне обойдется договор двух добрых людей. Впрочем, вариантов всё равно не было. Расплатимся как-нибудь.

Глава 3.

Рембрандт во плоти

Решив вопрос с пристанищем, можно было отправляться на встречу с водителем автофургона, у которого я так удачно приобрел трехтомник Минца в полном роскошном издании.

Но где его искать? Через автопредприятие? Торговую сеть?

У меня почему-то создалось впечатление, что этот водитель не завязан на какую-либо организацию и действует индивидуально. Но тогда у него должен быть патент, выдаваемый городской властью.

Полистав толстенный солидный справочник, содержащий всю основную информацию о Городе, я выяснил, что хотя здесь установлен четырехчасовой рабочий день, в мэрию можно обращаться круглосуточно. По телефону.

Под этим объявлением теснился целый выводок телефонных номеров. Заложив страницу карандашом, чтобы не закрылась, я набрал первый.

- Администрация, – отозвался приятный женский голос.
- Подскажите, пожалуйста, – сказал я, светски содрогаюсь, – как мне найти водителя автофургона? Его номер 93.
- Минуточку.

Я стал ждать, бездумно разглядывая страницы справоч-

ника.

Ответили не через минуту, но вполне оперативно:

– К сожалению, в настоящее время в пределах Города его нет.

– Какая жалость! А я хотел выразить ему благодарность за отличное обслуживание.

– Могу записать, – предложил голос. – Назовите ваше имя.

– Мне хотелось бы лично... Может, подскажете его имя, адрес? Я бы наведалься...

– Ничем не могу помочь. Обратитесь в полицию.

– Почему сразу в полицию? – удивился я.

– Потому что вопросами въезда-выезда, а также и прописки занимаются именно они. В администрации такой информации нет.

Хм, вполне логично. Кстати, теперь появился повод познакомиться с учреждением, с которым мне рано или поздно придется столкнуться. И лучше, если знакомство произойдет сейчас, пока я для властей белый и пушистый. Взглянув на схему с обозначенным адресом полицейского управления, я отправился пешком.

Здание было видно издалека, благодаря системе приятных на вид указателей, обозначающих дорогу. Строение казалось небольшим, в скромных два этажа, стены покрывали квадраты и полосы двух цветов: чисто-белого и жизнеутверждающе

желтого. Глядя на эту красоту, сразу верилось, что внутри сидят внимательные, добрые люди, готовые каждому прийти на помощь.

Обычного скопления машин поблизости не наблюдалось, и на обширной пустой площадке перед входом стоял только один автомобиль с полицейскими эмблемами. Его экипаж занимался исполнением своих прямых обязанностей. Конкретно говоря, они тащили в здание некого мужичка, одетого, как бомж, и судя по крикам, пьяного.

– Нищebroды! – вопил бомжара. – Жизнь вас томит, как ровный путь без цели!

Умаянные полицейские примерялись тащить его и так, и этак, но пьяный с неожиданной для его убогого вида прытью, мотал их по двору, как упорный щенок тяжелую тряпку.

– Перед бедой позорно равнодушны! – орал он. – Пред властью вы – ничтожные рабы!

Исторгаемый мужичком текст показался мне знакомым.

– Простите, – закричал я и поспешил к месту действия. Все-таки не часто в Городе встретишь человека, который хоть и криво, но цитирует Лермонтова. Здесь вообще читают только порники да газеты со сканвордами. А товарищ образован.

Я опоздал буквально на мгновенье. Потеряв терпение, один из полицейских сделал короткое движение рукой. Бомжара выдохнул что-то вроде «Хех!» и обвис.

– Простите, – повторил я, приближаясь вплотную. –

Очень сожалею, но это мой дядя. Если я могу как-то компенсировать...

Полицейские прислонили обвисшего к машине и развернулись в мою сторону.

– Лично вам, – добавил я интимно.

– Турист? – спросил тот служитель порядка, что был выше.

– Да. Приехал навестить родственника, а мне сообщают...

– Документы.

Я поспешно зашарил по карманам, извлекая все подряд. В том числе кошелек, толщина которого смотрелась достойно.

Старший полицейский взял паспорт, не отводя взгляда от моего лица, привычно перелистнул две странички... Помедлил, продолжая разглядывать мою физиономию, потом опустил глаза и сверил увиденное с напечатанным.

– Где проживаете? – спросил он тоном, не сулящим ничего хорошего.

– Вторая Пригородная, семьдесят восемь, – отчеканил я, изо всех сил изображая благонадежность.

Полицейский еще некоторое время поизучал документы... потом характерным жестом передал их мне.

– Хорошо. Забирайте. – Служители порядка чуть расступились, как бы освобождая мне проход к притихшему «дяде». – Штраф вам пришлют на указанный адрес.

– Огромное вам спасибо, – пролепетал я и бросился к лю-

бимому родственнику. – Я знал, что встречу полное понимание.

– Присматривайте за ним, – посоветовал на прощание полицейский.

– Непременно. Обязательно. Не оставлю ни на минуту.

– Ну-ну...

Такси, в которое я погрузил вновь обретенного дядю, было беспилотным. Потому что ни один живой водитель не вынес бы могучего запаха перегара, исходившего от «родственника». К счастью, после короткого полицейского движения, пришедшегося в район печени, мужичок утратил боевой азарт и почти не сопротивлялся моему дружескому участию. В противном случае в одиночку мне вряд ли удалось бы усадить его в транспорт – бомж оказался коренастым.

Когда мы достаточно удалились от служб правопорядка, я решил, что настало время познакомиться.

– Как вас зовут?

– Рембрандт ван Рейн, – пафосно ответил родственник, болезненно потирая правый бок.

– Что, тот самый?

– Именно.

– Я думал, он умер.

– Искусство бессмертно!

Я внимательно оглядел собеседника. Круглолицый, крепенький, в возрасте хорошо за пятьдесят.... Чем-то он дей-

ствительно походил на голландского гения.

– По портретам я представлял вас несколько иначе.

Ответом был взгляд свысока:

– Кто ты такой, чтобы судить о моих портретах?

– Значит, вы художник?

– Только в этом городе могут спросить художник ли Рем-
брандт ван Рейн!

В таком духе мы общались всю дорогу.

Бомжара оказался информированным собеседником. И хотя его речь то и дело прерывалась демоническим хохотом и требованиями немедленно принести пива, он поведал много интересного.

В частности, выяснилось, что в городе совсем нет заключенных. Ни политических, ни уголовных, ни задержанных за мелкое хулиганство либо административные нарушения.

Зато существует некий анклав (наподобие Ватикана в Риме, только значительно меньше по площади), в котором расположены все пенитенциарные заведения: тюрьма, СИЗО, камеры временной изоляции, спецшкола для трудных подростков и прочее.

Когда человек нарушает тот или иной закон, полиция оформляет его выезд в этот анклав. Там он пребывает весь срок заключения, а затем получает право вернуться домой.

То есть высылка из города может быть, как внешней (применяется в основном для приезжих), так и внутренней (для

местных жителей).

Таким образом решается целый комплекс проблем. С одной стороны, власти города честно заявляют, что преступность давно уничтожена, преступников нет, а о нарушениях прав человека они слыхом не слыхивали с незапамятных времен. С другой – человека можно запрятать в тюрьму на любой срок, как графа Монте-Кристо, и никто никогда не найдет никаких следов или записей. Потому что попасть во внутреннюю высылку может только преступник. А у них, как известно, ни прав, ни возможностей практически нет.

Любопытным родственникам или знакомым, если такие объявятся, сообщают, что гражданин выехал из города. Куда, зачем, неизвестно. У нас не полицейское государство, чтобы следить за каждым!

– Неплохо придумано, – оценил я, задумчиво почесав в затылке. Полученная информация наводила на мысль, что шофера с номером 93 найти будет не так просто, ведь он как раз «выехал из города». Причем сразу после того, как дама с высокой прически обещала пожаловаться на него в администрацию. Вот иезуитство!

– А за административные нарушения сколько дают? – спросил я.

Увы, ответа не последовало. Мой бомж, отмякнув на уютных сиденьях машины, благополучно уснул. Так что к месту ночлега мне пришлось доставлять его частично волоком, частично на себе. И когда я, весь вспотев от тяжелой работы,

наконец устроил «дядюшку» на кровати вновь снятого домика, электронные часы в спальне показали четыре нуля – полночь.

День кончился. Теперь до установленного срока 28 августа у меня оставалось еще меньше времени.

Глава 4.

Факультет ногтевого дизайна

24 августа. Утро.

Четыре дня до момента X

Прошедший день дал мне понимание того, что в здешнем раю не все одинаково счастливы. А значит стоит искать не только информатора, но и возможных союзников. Которых может оказаться не так мало.

Но где искать? Неспешно бреясь перед зеркалом, я постепенно пришел к мысли, что наиболее перспективным является посещение Университета. В самом деле, если мне нужно нечто, способное противостоять всеобщему невежеству и умственной деградации, то что может быть лучше, чем Университет – оплот разума и знаний. Пусть в этом городе интели не в почете, само существование высшего учебного заведения подобно крепости здравого смысла, которая хоть и окружена врагами, но стоит непоколебимо и не спускает поднятый флаг.

Полистав справочник, я узнал, что Университет располагался в живописном древнем замке крестоносца Ульриха де Казы. Приняв решение ехать туда, я сразу пришел в хорошее расположение духа. Во-первых, мне нравятся старинные

замки, а во-вторых, я вообще люблю студенческие городки. Там много красивых молодых людей со стопками книг, аудитории, построенные амфитеатром, разнообразные спортивные площадки, молодежные или наоборот седые профессора, окруженные стайками симпатичных девушек... В общем, там всегда молодая, здоровая, кипучая жизнь и масса положительных эмоций.

Крестоносец Ульрих де Каза понимал толк в ландшафтном дизайне. Его замок располагался среди суровых, романтических скал и был огражден ровом и внушающей почтение крепостной стеной.

В настоящее время, правда, большую часть стены разобрали, дабы расширить территорию и построить новые корпуса. Но главный въезд сохранял все очарование средневековья. В наличии были: наполненный водой ров, над которым застыл навечно опущенный подъемный мост с потрясающей толщины цепями; металлические створки ворот, покрытые рисунками, живописующими подвиги крестоносца Ульриха и две островерхие сторожевые башни по обеим сторонам прохода...

Словом, с первого взгляда Университет мне понравился. Так и надо строить – не разрушая старые здания, а аккуратно вписывая их в новые постройки.

За крепостными воротами тоже было хорошо. Много зелени, яркие павильончики в которых заботливые дизайнеры

разместили удобные столы и лавочки – садись, читай, рисуй, на свежем воздухе, на фоне великолепного пейзажа... Все было продумано просто замечательно.

Отрадно было и то, что Университет не выглядел пустынным. Занятия еще не начались (на дворе август!), но вокруг было многолюдно. Полным ходом шли вступительные экзамены, и в павильончиках я видел живописные группки парней и девушек, пришедших поступать в этот храм знаний.

Одинокий паренек, из аккуратной прически которого выбивался непокорный хохолок, чем-то напомнил меня, каким я был... страшно подумать – 20 лет назад!

– Пришли поступать? – спросил я об очевидном.

– Да.

– На какой факультет, если не секрет?

– На художественный.

– О, а я думал, здесь только науки преподают.

Юноша посмотрел снисходительно.

– У нас хороший Университет, – сообщил он с некоторым апломбом, – и здесь три отделения: художественное, научное и физической культуры.

– Прекрасно. И вы выбрали художественное.

Парнишка пожал плечами:

– Естественно. На научном учиться дольше, да и востребованность их профессий гораздо ниже, чем у нас.

– Ну да, ну да... Двигать вперед науку всегда было не просто.

— А я считаю, что нужно получать специальность, которая приносит людям пользу каждый день. А высокие материи... еще не известно, пригодятся ли когда-нибудь.

— М-м, — задумчиво согласился я. — В этом есть смысл. Кстати, не сориентируете меня: где здесь что, где какой факультет?

Юноша улыбнулся с мягким превосходством старожилы.

— А вы возьмите справочник абитуриента. Вон в каждом павильончике их специально выкладывают для начинающих.

Искренне поблагодарив, я как послушный начинающий, тут же отправился за справочником. Его содержимое меня потрясло.

Университет действительно состоял из трех отделений, включавших ряд факультетов и кафедр. И действительно здесь обучалось до 10 тысяч студентов, в том числе приезжие из других городов и даже стран.

Но каким специальностям! Мне такое не привиделось бы в страшном сне. Впрочем, судите сами.

На художественном отделении наибольшей наполняемостью аудиторий блистали три факультета: ногтевого дизайна, искусства макияжа и накалывания цветных татуировок.

Научное отделение неустанно трудилось над целым рядом важнейших тем. Наибольшее количество публикаций в специализированных журналах числилось за кафедрой изучения проблем кожи под волосяным покровом.

Прочитав эту информацию, я машинально потянулся почесать кожу под волосяным покровом. Какие тут бывают проблемы, перхоть? И они это здесь пять лет изучают? С получением научных званий и публикациями в журналах?

Второе место по количеству научных статей (с заметным отставанием) занимал факультет разработки полезных диет и рационального питания. Ну, это понятно. В обществе всеобщей сытости без рационального питания не обойтись. И человек, который может подсказать, когда в жратве надо остановиться, действительно крайне востребован.

И наконец, в довершение всего, как вишенка на торте, в справочнике красовалась информация победах молодежной команды «Носороги», которую именно здесь, в университетских спортзалах физкультурного отделения готовили к выходу в свет вдумчивые педагоги.

Надо было уходить. Интелей я здесь не найду – они парни резкие, а на университетских площадках как-то все чересчур приторно, либо быковато. Не то!

Вернув университетский справочник в стопку аналогичных, я резко развернулся и пошел прочь. Время потеряно напрасно. А это самый дорогой и невозполнимый ресурс.

Но, как выяснилось, самое скверное поджидало меня на выходе из храма науки.

Глава 5.

Поиски трупа

На выходе из университетского городка меня поджидали полицейские.

– Иван Жилин? – спросил один, делая шаг от машины в мою сторону и доставая наручники.

– Да. А в чем дело?

– Вам придется проехать с нами.

– Разве я сделал что-то плохое?

– На месте и разберемся.

Что было делать? Не драться же с ними на глазах у десятков свидетелей. Нет, я конечно предполагал, что рано или поздно придется переходить на нелегал. Но не на второй же день свободной жизни!

На меня нацепили наручники и аккуратно, нажимая ладонью на голову, усадили в полицейский автомобиль. На заднее сиденье, которое было отгорожено металлической сеткой и превращено в своеобразную клетку для задержанных. Полицейские сели вперед, на места для свободных людей.

В клетке было чисто, но пахло чем-то кислым с оттенком аммиака. Видимо предыдущие задержанные неоднократно справляли здесь разнообразные физиологические нужды, а регулярные чистки не способны были вытравить запах.

Впрочем, ехали мы быстро, аромат не был слишком силен, и я отвлекся, глядя в окно, на проплывающие мимо улицы. Через какое-то время я сообразил, что мы едем не к месту моей прописки. И не в полицейское управление.

– Простите, а куда... – начал я, но тут сообразил и закрыл рот.

Мы свернули с главной магистрали в сторону моря и подъехали к той халупке, которую я по рекомендации Амада снял для конспиративных встреч. Сейчас, в свете дня она выглядела мрачновато и дико, как заброшенное гнездо контрабандистов. Такие, знаете, потемневшие от времени стены, крыша кое-где поросшая мхом, покосившееся крыльцо, хлипкий навес над запущенной террасой... А вокруг старый сад из полужасохших крючковатых деревьев, и в десяти метрах за задней стеной скальный обрыв. Внизу шумело море.

– Ну, – сказал старший полицейский, выбираясь из машины и открывая мне дверцу. – Показывайте, где спрятали труп.

– Простите, что?

– Труп, говорю, куда дел?

Второй полицейский тоже приблизился и демонстративно извлек резиновую дубинку, которая до этой минуты мирно лежала на торпеде.

Я понял, что происходит. Видимо вчера, когда я волоком тащил в этот адрес мертвецки пьяное тело «великого художника», кто-то из соседей наблюдал за процессом и свое-

временно просигнализировал. Теперь оставалось только молиться, чтобы Рембрандт не умер с перепоею (все-таки человек не первой молодости) и встретил нас похмельным, но живым.

– Пойдемте, – сказал я как можно более покладисто, – я все покажу.

Мы прошли по деревянным мосткам, ведущим к главному входу. Доски подавались под ногами и поскрипывали.

Дверь оказалась открыта, и мы беспрепятственно проникли в главную комнату. А там...

Действительность превзошла ожидания!

За столом, щедро уставленном закусками и целой батареей пустых бутылок, в позе рубенсовского Вакха восседал наш «покойник».

– А, полиция! – вскричал он, делая широкий жест вилкой с насаженным куском селедки. – Пива принесли?

Представители органов отреагировали ожидаемо. Они так решительно двинулись вперед, что казалось еще секунда, и главе застолья придется худо. Но в последний момент в события вмешался плюгавый мужичок, до того скромно приутившийся в уголке.

– Простите, я ошибся, – сказал он, привставая.

– В смысле «ошибся»? – первый полицейский резко притормозил и уперся взглядом в плюгавого.

– Это я вам звонил, – робко пояснил тот. – Увидел ночью, как новый квартиросъемщик, – (тут он осторожно показал

на меня), – тащит безжизненное тело... Ну и подумал.

– А проверить сначала?

– Ночью побоялся. А утром пришел... – мужичок сделал жест в сторону Рембрандта, который в этот момент сосредоточенно рылся в пепельнице, выбирая окурок подлиннее. – И вот. Живой.

– А это точно то тело? – усомнился второй полицейский.

– Точно. Дом-то пустовал. Никого больше не было.

Старший наряда помолчал, соображая. Потом приказал подчиненному:

– Присмотри здесь. Мы прогуляемся.

Он дернул меня за руку и принудил выйти из дома.

Мы сделали с десяток шагов по направлению к обрыву, и я загрустил. «Ну, Амад, ну, удружил!». Местечко было самое, что ни на есть зловещее. Со стороны моря домик наш смотрелся как ласточкино гнездо, прилепившееся к скале. И я бы не удивился, если бы глянув с вершины утеса вниз, полицейский обнаружил бы вдоль полосы прибоя добрый десяток расчлененных трупов. Больно уж удобно было их туда сбрасывать.

К счастью, когда мы добрались до ничем не огражденного края скального выступа, оказалось, что пустынный берег под нами совершенно не изгажен присутствием человека и не хранит следов преступлений.

Но зрелище, открывшееся перед нами, огромный простор моря и неба... Это завораживало.

– Блестело море, всё в ярком свете, – взревел позади знакомый рембрандтовский бас.

Мы оглянулись и обнаружили, что похмельный мастер кисти решил продолжить банкет на природе.

– И грозно волны о берег бились, – вещал он, дирижируя початой бутылкой пива. – Дрожали скалы от их ударов. Дрожало небо от грозной песни!

Старший полицейского наряда сморщился, как от зубной боли, извлек из кармана обширный носовой платок и смачно высморкался. Затем, поймав паузу в поэтических воплях, спросил:

– Вы наняли дом, и в первый же вечер привезли сюда это. – (Он тычком пальца обозначил предмет своего интереса). – Зачем? Вы – мазохист?

– Мой племянник, – громко ответил за меня «великий художник», – заказал мне свой портрет. На фоне моря.

Служитель правопорядка недоверчиво поднял брови.

– А дом он снял как мастерскую, – еще громче продолжил носитель бессмертного имени. – На всё время, пока я буду творить. Вопросы?

– Это правда? – старший наряда слегка повернул голову в мою сторону.

– Да, знаете... – я потоптался на месте, изображая смущение, – родственников не выбирают. Вот, обещал за ним присматривать, а он...

– Ну-ну.

Далее началось приятное. Меня освободили от наручников. Потом представители власти откозыряли и направились к выходу. Деревянный настил чуть пружинил под их ногами и ощутимо поскрипывал. Давно уже я, глядя на представителей власти, не испытывал такого чувства удовлетворения.

Но они не ушли просто так. Через пять шагов старший обернулся и указал на вальяжного Рембрандта, который как раз выливал в глотку остатки пива.

– Присматривайте за ним.

– Непременно.

Глава 6.

Метод Сократа

Для того, чтобы заставить врага поступить против его воли, привлекай его какой-либо выгодой. Для того, чтобы предотвратить выступление врага, покажи ему вред этого.
Сун-цзы. Трактат о воинском искусстве

Мы стояли на краю обрыва и смотрели на море.

– Какое у тебя странное имя, Иван, – задумчиво произнес Рембрандт. Его зычный голос легко покрывал шум прибоя. – Ты русский коммунист?

– Почему сразу «коммунист»?

– Все русские – коммунисты. Одни явные, другие латентные.

– Довольно спорно.

– Да брось! – махнул бутылкой «великий художник». – Это же у вас сказано: «Счастья всем. Даром. И чтобы никто не ушел обиженный»... Разве не типичная коммунистическая пропаганда?

– Ты что-нибудь имеешь против всеобщего счастья?

– Хм! – сказал Рембрандт, и я испугался, что он сейчас запустит пустой бутылкой в величественный пейзаж, раскинувшийся перед нами. Но живописец сдержался.

– Пойдем в дом, – предложил он, ощупав меня пристальным взглядом. – Начну писать портрет.

Против такого предложения возражать я не стал. Даже если мастер кисти не умеет рисовать, будет по крайней мере отмазка для полиции.

В комнатах арендованного домика, против ожидания, оказалось довольно чисто. То ли носитель бессмертного имени не успел с утра загадить окружающее пространство, то ли маленький робот-пылесос, суевающийся под ногами, имел хорошую производительность.

Бдительный хлюпик, заложивший нас в полицию, счел за благо вовремя смыться, так что ничто не мешало чувствовать себя хозяевами и подробно все осмотреть (накануне вечером у меня не хватило на это времени).

Дом состоял из трех маленьких комнат. Одна отводилась под кухню, другая под спальню, а третья выполняла функции гостиной и была оформлена с претензией на роскошь – все свободное пространство стен заполняли небольшие акварели, на каждой из которых был запечатлен морской пейзаж.

– Похоже, хозяин равнодушен к морю, – произнес я, неспешно, как на вернисаже, передвигаясь от одного листа к другому.

– Все контрабандисты равнодушны к морю, – буркнул Рембрандт, расчищая место на столе и готовя причиндалы для рисования.

– Контрабандисты?

– Ну естественно! В этом районе селились сплошь контрабандисты. В былые времена тут все кипело жизнью! Особенно по ночам.

– А теперь?

– Теперь все умерло. Что можно ввести в город, в котором есть всё?

– А вывезти?

– Что можно вывести из города, где производят один ширпотреб?

Тут он цепко посмотрел на меня и нанес несколько энергичных карандашных линий на лист бумаги сомнительной чистоты.

– Стоять смирно, смотреть сюда, – приказал он, повелительным жестом указывая, куда мне смотреть.

Он был так уверен в себе и действовал с такой профессиональной сноровкой, что я невольно подчинился.

И минут пять старался не шевелиться.

Но быстро устал.

– Поговорить-то можно?

– Валяй, – щедро разрешил живописец, вовсю орудуя карандашом.

– Как ты думаешь, почему люди употребляют слег?

– Вот это спросил! – восхищенно хрюкнул Рембрандт. – Что называется «быка за рога».

– Нет, серьезно. Все знают, что наркотик – это дрянь. Что

это скверно, грязно, стыдно... И все употребляют. Почему?

– А ты употреблял?

– Да.

– Тогда ты знаешь ответ.

– Не знаю.

– Врешь. Любой наркотик, и слег в частности, – поучительно произнес живописец, воздев перед собой указующий перст, – дает иллюзию мгновенного и полного удовлетворения всех твоих потребностей. Принял, и ты уже ничего не хочешь. И платить не надо.

– Ну, платить все-таки приходится. Здоровьем, например. Жизнью.

– Ф-ф-ф, – скривил губы «голландский гений». – Всё, что дает наслаждение, либо аморально, либо незаконно, либо приводит к ожирению.

– А вы знаете статистику смертей от слега?

– Это не аргумент. Все смертны.

– С каким великолепным хладнокровием вы это произносите...

– А должен метаться и рвать на себе волосы?

– Хм-м, – я задумался в поисках решающего довода. – Речь, вообще-то, идет не о частностях. Если слег победит, и все в поисках наслаждения залягут в ванны, земная цивилизация прекратит существование. Причем не в каком-то отдаленном будущем, а уже через одно-два поколения. Потомки просто не родятся.

Мастер портрета пристально взглянул на меня. Хотя, возможно, его интерес относился к не словам, а был чисто художественным.

– И это не аргумент, – произнес он, слюнявя карандаш. – Закон природы таков, что всякая сущность возникает, растет, крепнет и расширяется до определенного предела. Далее ее ждет стагнация, загнивание и, в конце концов, гибель. Почему наша цивилизация должна стать исключением?

– То есть вы выбираете слег?

– Ха! В таком случае я не беседовал бы тут с тобой, а лежал бы в горячей воде и пускал пузыри счастья. Изю всех отверстий.

– Но тогда почему, – не удержался я, – почему...

– Почему не упал к тебе на грудь и не облил слезами восторга?

– Ну-у...

– Да понял я! – Рембрандт даже на минуту отложил карандаш. – Сразу понял, что ты, русский коммунист, решил спасти мир от наркотической пропасти и повести вперед к светлому прекрасному будущему.

– Не так пафосно, – пробормотал я, отводя взгляд.

– Не важно. Главное суть.

– И в чем суть?

– А в том, что согласно глубинной философии, все ответы сокрыты внутри вопрошающего. И потому я, пользуясь методом Сократа, пытаюсь тонко подвести тебя к мысли...

Да-а, послал Бог родственничка...

– Не надо тонко, – буркнул я, страшно недовольный собой. Этот гад надо мной издевался! – Скажи прямо.

– Ладно, – Рембрандт плотоядно ухмыльнулся. – Великий Сун-цзы когда-то сказал: «Останавливай вредом, увлекай вперед пользой». Ты пытался доказать вред наркотика и не преуспел в этом. Тогда постарайся найти некую пользу – явную и очевидную всем. Пользу, которая отвлекла бы людей от корыта и заставила поднять голову.

– Да ты романтик-утопист.

– Взятся за гуж, не говори, что не дюж, – хладнокровно парировал художник.

– Отвлечь наркоманов от наркотика... Как ты это себе представляешь?

– Разве я придумал тебе задачку?

– Но как разговаривать с такими людьми? Они меня просто не поймут. Не услышат!

– Найди того, к кому прислушаются.

С этими словами великий портретист нанес последний штрих и гордо положил свое творение на стол. Я взглянул на путаницу карандашных линий.

– Блин, да ты не Рембрандт.

– Что?!!

– Ты Пикассо!

Глава 7.

Спорт-бар

«Четыре коня»

24 августа.

День

Покинув логово контрабандистов (бывших, бывших!), я отправился по улицам пешком. На ходу хорошо думается, а мне требовалось как следует обдумать ситуацию.

Славненькую задачку подкинул самозванный живописец: найти слова, способные переубедить наркомана. Который ни о чем кроме дозы думать не в состоянии, и о чем кроме дозы слышать не желает.

Хотя с другой стороны, Пек Зенай, умерший от слега, был отличным парнем и моим другом. Если бы я заранее понял, что с ним происходит, и какое чувство стыда сжигает его душу... Смог бы я найти слова?

«Неправильная постановка вопроса, – противно загудел в моем сознании зловерный бас липового портретиста. – Никаких „смог“ или „не смог“. Обязан был найти!»

Пульс уходящего времени буквально стучал у меня в висках. Прошло уже почти двое суток, а я в своем деле не про-

двинулся ни на шаг. Да, кое-что удалось узнать, но сейчас мне требовался уже не столько информатор, сколько союзник.

Точнее, много союзников.

Чем больше, тем лучше.

Но где их искать?

В глубоком раздумье я машинально присел на лавочку, кокетливо спрятанную в зарослях цветущих кустарников, и извлек свой блокнот с надписанными листиками.

Так. Поиски «интелрей» в Университете результата не дали.

«Шофер с книгами» не доступен.

С Амадом я встретился, но так и не понял, что он за человек. И эта странная его манера время от времени как бы выпадать из реальности, когда лицо становится непроницаемым, а глаза обращаются во внутрь... Может он в такие моменты прислушивается к вещанию неизменного транзистора, висящего на ухе? Интересно, какая музыка вызывает в нем подобные трансформации?

Несколько раздраженно я перелистнул страничку и уставился на запись «Круглоголовый рыбарь». Похоже, придется снова идти в Старое метро к этим любителям отвратительных приключений. В душе при этой мысли всё заранее как бы сморщилось... не люблю я экстремалов трупно-фекального типа. Но идти придется. В моей работе не до брезгливости.

В этот момент на другом конце города взревели моторы. Несколько полицейских вертолетов, рассекая воздух винтами, пронеслись в том направлении. Гул тысяч мощных двигателей был приглушен расстоянием, но все равно звучал жутковато. Если бы я находился в городе первый день, то подумал бы, что в стране переворот и на улицы вышли танки. Но я был уже опытный турист и знал, что здесь просто-напросто начался час пик – молодежь общества всеобщей сытости, установив на машины специальные ревуны (иначе не заметят!) массово двинулась на работу.

Массово...

Чёрт!

Меня озарила мысль, настолько яркая и изначально очевидная, что захотелось немедленно ее с кем-то обсудить.

Я повертел головой в поисках какого-нибудь потенциального собеседника, но улица вокруг словно вымерла. Зато взгляд наткнулся на приземистое кирпичное строение, прилепившееся к фасаду стандартного пятиэтажного дома. Вывеска над строением скромно сообщала, что здесь расположен спорт-бар «Четыре коня». Что-то в этом названии напоминало о товарище Бендере. Возможно, конечно, что тут собирались обычные дуболомы мощностью в четыре лошадиных силы (бар-то спортивный!). Но вдруг там вправду что-то связанное с шахматами?

Помяная незабвенного сына турецко-подданного, я приблизился и заглянул через толстое стекло входной двери.

Внутри горел свет. Разглядеть что-либо еще было невозможно, так как за стеклянной дверью располагалась значительно более массивная дубовая.

Я деликатно постучал.

Потом постучал погромче.

Потом обнаружил кнопку домофона и нажал.

– Пароль? – хрипло спросил голос из динамика.

О как!

– Е-2 – е-4, – сказал я наугад.

Голос в динамике хмыкнул, после чего в двери щелкнул электронный замок.

– Входите.

За дубовой дверью обнаружились два секьюрити. Вид у них был классический: стриженные головы, ровно переходящие в плечи, строгие костюмы, свинцовые взгляды. Огладив меня палочками детекторов, они потребовали извлечь из карманов все металлические предметы и, не обнаружив оружия, позволили пройти к стойке. А сами вновь уселись возле экрана, на который внешние камеры видеонаблюдения транслировали картинки окружающего пейзажа.

– Какие у вас строгости, – сообщил я бармену, который, отложив неизменное полотенце, уставился на меня выжидательно, но без особого дружелюбия.

– Безалкогольные напитки есть? – спросил я, оглядывая практически пустой зал и большой плоский экран телеви-

зора, транслирующий в никуда тропические многоцветные пейзажи.

– Чашечку кофе?

– Возможно это оскорбит ваши чувства, но я предпочитаю с сахаром и с молоком.

– Присаживайтесь, – кивнул бармен.

Свободных мест вокруг было множество, но мне требовался собеседник, так что далеко я не пошел.

– Скажите, – произнес я, устраиваясь на высоком табурете возле стойки, – этот четырехчасовой рабочий день, о котором с такой гордостью сообщается в путеводителях... Как вообще ваш город умудряется жить, если граждане работают всего по четыре часа, причем одновременно?

Бармен ответил не раньше, чем закончил все манипуляции с приготовлением кофе. Поставив передо мной миниатюрную чашечку, он потратил еще несколько секунд, разглядывая мое лицо. И почему-то особенно задержал взгляд в районе моего левого уха.

– А что вас смущает?

– Ну, я подумал, что для нормального функционирования городских служб, должен быть целый ряд профессий, где работают ненормированно. Полицейские, например, пожарные, врачи... Кроме того, к вам постоянно прибывает огромное количество туристов, которые отдыхают на полную катушку. И, стало быть, их нужно вытаскивать из пьяных скандалов, из полицейских участков, искать заблудившихся и по-

терявших ключи-документы... Это работа круглосуточная, разве нет?

– Хм, – сказал бармен. – А почему не предположить, что сутки поделены на шесть смен по четыре часа каждая?

– Не получается. Пожар ведь может случиться и под конец рабочего времени. Или экстренного больного привезут... Что, врач не будет оказывать помощь или посередине операции передаст скальпель сменщику?

Человек за прилавком еще раз пристально посмотрел на мое левое ухо и, видимо приняв какое-то решение, вздохнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.